

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ ХРИСТИАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ В ВОДСКОМ И ИЖОРСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А. В. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Академическое,
ул. Политехническая, д.29 литера Б
Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург,
Поступила в редакцию 22.01.2025 г.
Принята к публикации 15.10.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-11

В современной прибалтийско-финской ономастике особую значимость приобретает вопрос о путях и механизмах адаптации иноязычных заимствований в близкородственных языках. На материале антропонимических систем води и ижоры рассматриваются процессы фонетической и морфологической трансформации личных имен христианского происхождения. Исследование направлено на установление типологических особенностей адаптационных механизмов и выявление универсальных и специфических черт каждого из исследуемых языков. В работе применен комплексный подход, сочетающий методы сравнительно-исторического языкознания, типологического анализа и системной реконструкции. Эмпирическую базу составили материалы полевых исследований, архивные документы и лексикографические источники XX–XXI веков. Выявлены основные стратегии фонологической и морфологической адаптации заимствований, определены доминантные модели трансформации антропонимов. Установлено, что значительная часть водских и ижорских форм имен восходит не к каноническим христианским именам, а к их русским диалектным вариантам, что свидетельствует о сложном характере межъязыкового взаимодействия. Выявлены различия в функционировании адаптационных механизмов в водском и ижорском языках, обусловленные особенностями их фонологических и морфологических систем. Особое внимание уделено анализу вокалической и консонантной адаптации, геминации согласных, палатализации и эпентезы. Описаны морфологические особенности адаптации, включая функционирование древнего прибалтийско-финского суффикса *-oi и его вариантов. Полученные результаты способствуют углублению понимания процессов языкового контактирования и могут быть использованы при разработке мер по сохранению языкового наследия малых прибалтийско-финских народов.

Ключевые слова: антропонимические системы, морфологическая трансформация, прибалтийско-финские языки, сравнительно-сопоставительная лингвистика, теория языковых контактов, типология заимствований, фонологическая адаптация, языковая адаптация

1. Введение

Исследования прибалтийско-финской антропонимии, как известно, были начаты в конце XIX века с изучения дохристианского именованослова по писцовым книгам XVI века, что в свое время показали Н. Д. Чечулин,

Н. Н. Харузин и А. В. Форсман, а в XX столетии их наработки систематизировал Д.-Е. Стёбке (Stoebke 1964).

В XIX веке вышла первая заметка и по некоторым некалендарным финским антропонимам прихода Лииссиля Ингерманландии, которую написал финский врач и переводчик В. Килпинен (Kilpinen 1857), чьи наблюдения впоследствии получили развитие в трудах О. Лоухелайнен (Louhelainen 1913), Э. Хьетакари (Hietakari 1944), Ю. Мустонен (Mustonen 1938), В. Ниссиля (Nissilä 1943).

Послевоенный труд С. С. Гадзяцкого по некалендарной антропонимии Водской пятины XVII века (Гадзяцкий 1947) дал новый импульс для дальнейшего развития изучения древнерусской антропонимии в трудах уже советских ученых. Параллельно развивалось изучение карельской антропонимии, существенный вклад в которое внесли Я. Калима (Kalima 1942) и В. Ниссиля, создавший фундаментальный словарь христианских карельских антропонимов XVI–XX веков (Nissilä 1976).

Позднее были даны первые систематические описания антропонимиконов малочисленных прибалтийско-финских этносов – карелов, вепсов, ижоры, води и ливов (Karlova 2007; Mullonen 2007; Joalaid 2007a; 2007b; Halling, Joalaid 2007), а в наши дни аналогичное сравнительное исследование водского, ижорского и сетусского антропонимикона выполнила Э. Саар (Saar 2015). Продолжаются исследования карельской календарной и некалендарной антропонимии, что отражено в многочисленных трудах Я. Саарикиви, А. И. Соболева, Д. В. Кузьмина, А. А. Макаровой, И. А. Кюршуновой, О. А. Карловой и других ученых – представителей Петрозаводской школы прибалтийско-финской ономастики.

Настоящее исследование дополняет имеющийся опыт изучения календарного прибалтийско-финского антропонимикона. Особую актуальность работе придает критическое состояние водского и ижорского языков, находящихся под угрозой исчезновения. Систематизация и анализ антропонимического материала способствуют сохранению важного пласта культурного наследия этих народов.

Таким образом, целью исследования является проведение сравнительно-сопоставительного анализа процессов адаптации христианских антропонимов в водском и ижорском языках с выявлением основных фонетических и морфологических закономерностей их трансформации при заимствовании из русского языка. Статья направлена на выявление специфики фонетической и морфологической адаптации заимствованных христианских имен, определение основных способов их структурного преобразования, анализ особенностей вокализма и консонантизма, изучение словообразовательных моделей и суффиксальных систем, а также установление общих закономерностей развития антропонимических систем води и ижоры.

В теоретическом плане исследование вносит существенный вклад в развитие сравнительно-исторического языкознания, предлагая системное описание механизмов фонетической и морфологической адаптации заимствований в родственных прибалтийско-финских языках. Ме-

тодология анализа антропонимических систем может быть экстраполирована на изучение других языковых контактов, что имеет большое значение для теоретической лингвистики.

Прикладной аспект работы связан с созданием комплексной классификации способов адаптации христианских антропонимов, которая может быть использована в лексикографической практике при составлении словарей личных имен прибалтийско-финских народов. Результаты исследования также значимы для разработки методов сохранения и ревитализации исчезающих языков, поскольку антропонимическая система является важным компонентом языковой идентичности.

2. Методология и материал исследования

В статье применяется комплексный подход к изучению адаптации христианских антропонимов в водском и ижорском языках. Сравнительно-сопоставительный метод, применяемый в работе, позволяет установить типологические особенности адаптационных процессов в исследуемых языках. Комплексный анализ фонетических и морфологических изменений при заимствовании антропонимов дает возможность построить типологию адаптационных механизмов, характерных для прибалтийско-финских языков в целом. Еще одним методологическим принципом выступает системная реконструкция, позволяющая восстановить этимологию утраченных форм через выявление доминантных фонетико-морфологических моделей именной деривации. Исследование опирается на обширную эмпирическую базу, включающую полевые материалы автора, архивные документы, лексикографические источники и научные публикации. Все это позволило выявить и проанализировать 165 мужских и 50 женских имен.

3. Общая характеристика процесса заимствования русских имен в водский и ижорский языки

Современная ситуация с водской и ижорской антропонимической системой характеризуется существенной трансформацией традиционного именника, обусловленной двумя ключевыми факторами — отсутствием устойчивой письменной традиции и интенсивными ассимиляционными процессами среди води и ижоры. В результате этих процессов произошло замещение исконных водских и ижорских форм христианских имен русскими каноническими именами и их диалектными вариантами. Данная тенденция усилилась в послевоенный период, когда наблюдалась общероссийская тенденция к обновлению антропонимического фонда. Следствием этих процессов стала утрата семантической прозрачности значительного количества антропонимических единиц, зафиксированных в историографических и полевых исследованиях.

Методология системной реконструкции представляется эффективным инструментом для восстановления этимологии утраченных форм.

Данный подход предполагает первичное выявление доминантных фонетико-морфологических моделей именной деривации на основе сохранившихся прозрачных антропонимических данных с последующей экстраполяцией полученных закономерностей на этимологически неясный материал. Применение данной методологии позволяет не только прояснить происхождение сохранившихся антропонимических форм, но и реконструировать предположительно существовавшие, но утраченные варианты имен.

Принципиальное значение для исследования имеет признание генетической вторичности водского и ижорского христианского антропонимикона по отношению к русской антропонимической системе. Эмпирический материал демонстрирует, что значительная часть разговорных форм личных имен води и ижоры восходит не к каноническим христианским именам непосредственно, а к их русским диалектным вариантам, характерным для сопредельных территорий, что отмечается и для карельского именованослова (Кузьмин 2016).

Данное обстоятельство обусловило фиксацию в водской и ижорской антропонимии фонетических особенностей русских диалектов. Русское влияние также прослеживается в структурной организации водских и ижорских народных форм имен, которые преимущественно характеризуются двусложностью и редукцией определенных фонем относительно исходных канонических вариантов, что иллюстрируется следующими примерами: водск. *Ulaska* — Власий; водск. *Var'u* — Варвара; иж. *Marjuska* — Мария; иж. *Outuška* — Евдоким.

Первое, на что необходимо обратить внимание, это четкая дифференциация в формах водских и ижорских имен относительно русского языка:

1. Имена, соответствующие полным (официальным) формам русских имен: *David* < Давид; *Ol'eksandra* < Александра.
2. Имена, соответствующие гипокористическим формам русских имен: *Ondruška* < Андрюшка; *Opraska* < Парашка.
3. Имена, которые имеют не свойственную для современного русского языка форму: *Ivo* < Иван; *Pal'u* < Пелагея.

Безусловный интерес представляют антропонимы из групп 2 и 3, поскольку заимствованные официальные (полные) русские имена были довольно редки среди водского и ижорского населения. В свое время Ю. Мягисте подметил, что с точки зрения структуры календарных русскоязычных антропонимов, заимствованных в прибалтийско-финские языки, в большинстве случаев русский уменьшительный суффикс заменялся собственными средствами, то есть использовалась оригинальная производная от прибалтийско-финского языка. Полученные таким образом формы имени, как правило, были короче исходной именной формы. В прибалтийско-финских языках при деривации чаще всего использовались только первые два слога заимствованного слова, реже ударный последующий слог заимствованного слова, путем добавления к одному из них гипокористического признака (Mägiste 1928, p. 227), что справедливо и для водского и ижорского языков (Кузьмин 2016),

причем отличительной особенностью именно водского именослова является то, что водский язык заимствовал не исходные имена, а их гипокористические варианты, которые в дальнейшем находили свою обработку на почве водского языка, в котором, кроме того, нет такого количества диминутивных суффиксов, образующих гипокористические формы имен (Рожанский 2014, с. 305).

Необходимо подчеркнуть, что процесс сокращения имен до двухсложной формы в большинстве случаев происходил уже на почве русского народного именослова, и водский и ижорский языки заимствовали уже готовые русские гипокористики (или «квалитативы», «модификаты», принятые для изучения славянской антропонимии). Это объясняет многие особенности фонетического облика водских и ижорских антропонимов. Исследования А. И. Толкачева, анализирующие древнерусские источники, показывают разнообразие двухсложных модификатов, многие из которых впоследствии послужили основой для прибалтийско-финских антропонимов. Например, он пишет, что в личных именах известен целый ряд образований от сокращенных квалитативных основ: *Вас-юха*; жонку *Васюху*. Исх.: (*Вас-илиса*, менее вероятно *Васса*) > *Вас'-а*; *Емел'-юха*: *Емелюха*. Исх.: *Емел'-а*; *Ол'-юха*: *Захар Олюхин*. Исх., вероятно, *Ол-екса* или *Ол-ександр*, а не *Ольга*, поскольку форма *Олюхин*, указывает на родственное отношение к отцу, а не к матери; ср. вариант *Люха*; *Пол-уха*: *Полуха*; *Иван Полуха*. Исх., возможно, *Пол-уил*, но не *Пол-укарп*, от которого, скорее всего, получался квалитатив *Карп-уха* (так же, как и от *Карп-*): ср. совр. *Карп* — *Карпуша* — *Карпуха*; *Степ-уха*: *Степуха*. Исх.: (*Степ-ан*) > *Степ-а* > *Степ-уха*; *Т-юха*: *Тюха Пантелеев*. Исх.: (*Евтухи*=*Евтюхи*) > *Евтюха* > *Евт-юх-а* > *Т-юх-а* (Толкачев 1977).

Таким образом, если следовать приведенной выше тенденции в образовании гипокористик, такие формы как *Var'u* происходят не напрямую от *Варвара*, а от русского гипокористического *Варя*; *On'o* — от *Оня* (< *Анисим*); *Nar'o* — от *Харя* (< *Харитон*); *Ort't'u* — от *Ортя* (< *Артемий*); *Vas'o* — от *Вася* (< *Василий*); *Fed'o* — от *Федя* (< *Федор*) и т. д.

При анализе русских календарных имен в водском и ижорском языках можно выделить два типа адаптации заимствований. Первый тип — это адаптация, обусловленная влиянием языка-донора (русского). Она проявляется в сохранении диминутивных суффиксов русского языка: суффикса *-ушк-* (*Павлиšk*, *Tarušk*), *-ошк-* (*Teroška*), а также более простого диминутивного форманта *-к-* (*Mikifk*). Кроме того, сохраняется палатализация согласных, характерная для русских гипокористических форм: *Fed'a*, *Kol'a*.

Второй тип — это адаптация, происходящая по внутренним законам языков-реципиентов (водского и ижорского). На морфологическом уровне наблюдается присоединение характерных для прибалтийско-финских языков суффиксальных формантов. Доминирующую позицию в системе антропонимических формантов занимает суффикс *-oi*, однако существенную роль играют также такие деривационные элементы, как *-u*, *-ne(n)* (*-ñe*, *-ñi*), *-t's* (*-t'š*) *-k(ka)* (*-kas*), *-kki* и др., демонстрирующие различную степень распространенности в отдельных прибалтийско-финских языках.

На фонетическом уровне отмечается ряд регулярных изменений: геминация интервокальных согласных (*Markko, Markku, Titto*), субституция начальных консонантов (*Федор > Fed'o/ VeDotta*). В области вокализма наблюдается появление долгих гласных фонем *ā, ū, ō, ē, ī* (*Sāv, Mihāl, Jōkoi*), что является характерной особенностью фонологических систем прибалтийско-финских языков.

Далее мы более детально опишем основные фонетические и морфологические особенности заимствованных из русского языка личных календарных имен в водский и ижорский языки с опорой на следующие материалы:

— полевые материалы автора исследования, записанные в ходе экспедиций в Кингисеппский район в период с 2003 по 2012 год;

— списки неофициальных имен жителей деревень Котлы, Маттия и Ундово, записанных В. Алава в ходе экспедиции в 1901 году (Alava 1901);

— собрание П. Аристе "Vadja etnologia", хранящееся в Архиве эстонского фольклора Эстонского литературного музея;

— лексикографические материалы — словарь ижорского языка Р. Нирви (Nirvi 1971) и словарь по кракольскому диалекту водского языка Д. Цветкова (Tsvetkov 1995);

— различные (к сожалению, немногочисленные) научные статьи эстонских, финских, российских исследователей по теме календарной антропонимии воды и ижоры.

4. Фонетические особенности водской и ижорской христианской антропонимии

4.1. Характер вокализма и сингармонизм

Как и карелоязычные формы христианских имен (Кузьмин 2016), формы водских и ижорских имен имеют заднерядный вокализм. Это во многом связано с тем, что в русском языке, из которого водь, ижора и карела заимствовали эти формы, нет таких гласных, как *ii, ä, ö*.

Будучи языками с вокальной гармонией гласных, водский язык имеет *ä-, ii-* и *ō-*гармонию¹ (при нейтральной гласной *i*), а ижорский, наряду с карельским и финским, *ä-, ii-* и *ö-*гармонию (при нейтральных гласных *e* и *i*, которые могут встречаться в словах как с гласными переднего, так и заднего ряда). Однако при заимствовании в прибалтийско-финские языки русской основы сингармонизм может быть обусловлен палатализацией или *i-* и *j-*окружением (Lauerma 1993, с. 193). Поэтому в заимствованных в водский язык календарных именах часто наблюдается отклонение от канонической прибалтийско-финской вокальной гармонии: *Елисей > водск. Jelja; Фёдор > иж. сойк. Vōdra*. Заметим, что подобное явление с передними гласными можно наблюдать и

¹ Наибольшую *ō-*гармонию имеет язык сету (Saar 2015, p. 174).

в некоторых карельских календарных именах: *Denissä* < Денис, *Döröi* < Дорофей, *Hilippä* < Филипп, *Kirilä* < Кирилл, *Krestinä* < Крестина, *Simä* < Семён, *Temitä* < Демид и т. д. (Кузьмин 2016).

В водском языке большую роль играет отсутствие *ö*-гармонии, поэтому к предвокальной части существительного может присоединяться продуктивный суффикс **-oi* > *-o*: *Vera* > водск. *Ve’o*; *Феодор* > водск. *Fed’o*, *Fet’o*. В случае с *ö*-гармонией в водском языке при заимствовании имен имеется всего несколько таких примеров, причем все они отмечены в нижнелужском ижорском ареале из деревни Ванакюля: *Лукурья* > *Lukkõ* и *Варвара* > *Varvõ*. Более того, среди заимствованных имен в водском и ижорском языках отсутствуют также примеры *ü*-гармонии.

Э. Саар полагает, что имеет смысл говорить только о двух продуктивных вокальных гармониях: *ä*- и *ö*-гармонии для ижорского языка и *ä*-гармонии для водского языка.

ä-гармония (самая продуктивная): *Илья* > водск. *Īiä*, иж. *Ījä*; *Кирилл* > иж. *Kirilä*; *Людмила* > водск. *Lüsä*; *Петр* > водск. *Pet’ä*; *Феодор* ~ *Фёдор* > водск. *Füderä*, иж. сойк. *Vüterä*, *Vütärä*; *Фекла* ~ *Фёкла* > иж. сойк. *Vöglä*.

ö-гармония (встречается, как правило, в именах сойкинского диалекта ижорского языка): *Прокофиу* > *Prökkö*, *Prökköi*; *Феодор* ~ *Фёдор* > *Vöttöi*, *Vütöi*, *Vüttö*, *Vüttöi*; *Фекла* ~ *Фёкла* > *Vögöi*; *Артемиу* > *Ärtöi*, *Ärttö*, *Ärttöi* (Saar 2015, p. 174).

4.2. Сокращения многосложных имен (апкопа / афerezис)

В русском языке распространено явление, когда безударная гласная или даже целый слог или слоги выпадают в некоторых именах; таким образом, наблюдаются явления апкопы: *Уля* < *Ульяна*, *Ира* < *Ирина* и афerezиса: *Катя* < *Екатерина*, *Саша* < *Александр*.

Многие прибалтийско-финские языки также переняли эту модель, когда многосложные имена усекались. В прибалтийско-финских языках, в частности водском и ижорском, происходит либо прямой перенос ударения: *Гаврил* > водск. *Gäbre*, *Ga’o*, иж. *Kaurila*, *Kaurula*; *Спиридон* > водск. *Pirkko*, *Spirka*, иж. *Pirkka*, либо заимствование части имени из ударного слога: *Димитрий* > водск. *Miteri*, *Mitjo*, *Mit’u*, иж. сойк. *Mittoi*, *Mitöi*; *Антонина* > водск. *Nina*; *Иван* > водск. *Va’o*, иж. *Va’na*. Вместе с тем подобная тенденция — сокращение имен до двухсложных — пожалуй, находит свое отражение еще в русском, до входа в прибалтийско-финскую антропонимическую систему, что потом в ней закрепляется: например, в карельском языке ср. *Nasti* < *Анастасия*, *Vassi* < *Василиса*, *On’u* < *Ануфрий*, *Ohvo* < *Афанасий*, *Vaku* < *Аввакум* и т. д. (Кузьмин 2016).

Все же пока рано говорить о закономерностях и характере усечения имен в водском языке, поскольку водские гипокористические формы имен вполне подходят и под наиболее частотные русские способы усечения. Кроме того, не всегда понятно, имеем ли мы дело с разными вариантами усечения или с различием в адаптации консонантных кластеров в начале слова, которые не характерны для водского языка, да и

для многих других прибалтийско-финских языков: например, для водского языка вполне закономерен переход *Аксинья* > *Ok'e* или *Григорий* > *Kiko* (Рожанский 2014, с. 305).

4.3. Удлинение гласных в первом предударном слоге

Известно, что в прибалтийско-финских языках (финский, эстонский, карельский, вепсский, водский, ливский, ижорский, сету) ударение в основном падает на первый слог, за рядом исключений, которые касаются заимствованных слов в эстонском языке, некоторых особенностей ливского языка и некоторых диалектов карельского языка под влиянием русского языка. Соответственно, в водском и ижорском языке это проявляется следующим образом: *Василий* > иж. *Vässeli*; *Гаврил* > водск. *Gäbre*; *Иван* > иж. *Īvana*; *Илья* > водск. *Īlia*, *Īliä*, иж. *Īlja*, *Īljä*; *Мария* > водск., иж. *Mārja*, иж. сойк. *Māroi*; *Михаил* > водск. *Mihhal*, иж. *Mihkali*, *Mihkili*; *Тихон* > водск. *Tihan*, *Tifona*, иж. *Tihana*, *Tihkana*; *Фома* > иж. *Fōma*, водск. *Hōma*.

Следует отметить, что в ижорском языке случаев удлинения гласных значительно больше, они более систематичны и затрагивают практически все гласные фонемы *ā*, *ē*, *ī*, *ō*, *ū*. В водском языке таких случаев меньше, они менее регулярны и в основном касаются гласных *ā*, *ō*, *ī*, *ū*.

Для водского и ижорского языков нехарактерна дифтонгизация исходного монофтонга в заимствованных календарных именах, как, например, для карельского языка: ср. *Duarie* < *Дарья*, *Huotari* < *Федор*, *Kuagra* < *Карп*, *Muarie* < *Мария*, *Viera* < *Вера* и т. д. (Кузьмин 2016).

4.4. Переходы *a* > *a/o* в первом безударном слоге

В ударном и безударном положениях у водских и ижорских антропонимов хорошо сохраняется исходный русский первый слог на *и* и *і*, хотя ударные гласные *a* и *o* также передаются без изменений. Поскольку греческие календарные имена были заимствованы в прибалтийско-финские языки через русский язык, то, как и в русских вариантах имени, в водских и ижорских именах наблюдается неоправданное, на первый взгляд, добавление, пропуск или чередование начальных *a* или *o*. В силу влияния русского языка среди официальных *a*-начальных календарных названий в водском языке преобладают трансформации с переходом *a* > *o*, тогда как в ижорском (и, кстати, карельском) языках тенденция более противоречивая — наряду с *o*-начальными именами немало таких, где сохранилась начальная гласная *a* (Saar 2000, p. 14; Nissilä 1975, p. 210).

Анализ процесса лабиализации (перехода *a* > *o*) в русских календарных именах, адаптированных водским и ижорским языками, демонстрирует неравномерность данного фонетического явления. Причина данного перехода может быть обусловлена в большей степени влияни-

ем русских диалектных форм — ср. *Офонасий, Ондрей, Олексей, Орефий* и т. д. Поэтому такой переход произошел изначально в русском языке, а затем уже заимствовался в водский и ижорский языки:

a > o: *Агафия > Огафия > водск. Оги, Око; Агафон > Огафон > водск. Ofoña, Ofoña; Александра > Олександра > водск. Ol'eksandra, Ol'o; Алексей > Олексей > водск. Ol'ekse, Ol'o, Ol'okse; Андрей > Ондрей > водск. Ondrē, Ondrona, Ondruška, иж. Ondre; Анисья > Онисья > водск. Onisa, Oniśša, Onissi, Onja; Антоний ~ Антон > Онтоний > водск., иж. Onttana, водск. Ontto, Ontui, иж. Onttona; Артемий ~ Артём > Ортемий > водск. Ortju.*

Эта фонетическая особенность прослеживается, кстати, у других прибалтийско-финских народов, а также кольских саамов: ср. вепс. *Ol'koi < Олексей, Orešk < Орефий, Ort' < Ортемий*; эст. *Oka < Огафья, Oloska < Олексей, Ouda < Овдотья*; кольск.-самм. *Ofenas < Офанасий, Oggisk < Огафья, On'sim < Онисим*.

Тем не менее в некоторых именах не наблюдается лабиализация, что можно объяснить сравнительно поздним периодом заимствования русских календарных имен в водский и ижорский язык:

a > a: *Агафия > водск. Agu, Aguška; Андрей > иж. Andre; Анна > водск. Anni, Aññukki, Añu; Антон > иж. Antti, Antto; Архипп > водск. Arkippa; Арсений > иж. Arse; Артемий ~ Артём > водск. Art't'u, Art'ime.*

Безударный слог с *o* в русском языке также произносится как *a*-подобный, поэтому вероятно, что звуковая смена безударного *o > a* уже имела место в русском языке как промежуточном языке канонических имен: например, *Соломония > водск. Salo*. Однако для водского и ижорского языков такой переход *o > a* нехарактерен, в отличие от карельского языка, что, по мнению Д. В. Кузьмина, объясняется достаточно ранним заимствованием форм имен: ср. *As(s)ipra < Осун, Barissa < Борис, Ната < Фома, Hatti < Фотий, Havana < Фофан, Kapana < Конон*. Данная особенность прослеживается также в последнем ударном и заударном слогах: *Okahvana < Агафон, Platana < Платон, Triifana < Трифон* и т. д. (Кузьмин 2016); ср. водск. *Hōma, иж. Fōma < Фома*; водск. *Sojje, Soria, Soro < София*; водск. *Sofrom < Софрон*; водск. *Viktor, иж. Vihtora < Виктор*; водск. *Platon, Platošk, Plato < Платон*; водск. *Tropo, иж. Tropoi < Трофим*.

Все же окказионально данная черта встречается: водск. *Tihan, иж. Tihkana < Тихон*; иж. *Trihvana < Трифон*, что, очевидно, обусловлено заимствованной в водский и ижорский язык фонетической особенностью русского языка — переходом *o > a* в заударном слоге.

4.5. Переходы *e > V* в первом безударном слоге

Гласная *e* в первом слоге также подвергалась различным переходам, хотя и при ее сохранении во множестве вариантов имен: *Сергей > иж. н-л. Seřo; Степан > водск. Теро, иж. сойк. Tevoi; Терентий > водск. Teroška, иж. сойк. Teroi* и т. д.:

e > a (также распространено в разговорном русском языке): *Герасим > водск. Gařo, Garassim, иж. Karassima; Мелания > водск. Malo, Mal'o; Пелагия > водск. Paljo, иж. Palaga*. Ср. с карельским языком: *Faru < Феранонт; Garassi, Jarassima < Герасим; Savo, Zavoï < Севастьян* (Кузьмин 2016);

$e > i$ (отсутствует в водском языке): *Семен* ~ *Симеон* > иж. н-л. *Simo*, иж. сойк. *Simoi*; *Сергей* > иж. *Sirke*, *Sirkei*. Такая особенность прослеживается также в карельском языке: ср. *Gliimatta* < *Клементий*, *Pirhina* < *Перфирий*, *Simana* < *Семен*, *Sirkei* < *Сергей* (Кузьмин 2016);

$e > o$ (> *u*) (лабиализация *e* происходит в именах, где за ним следует губной звук *o*, *v* или *f* перед согласной): *Георгий* > водск. *Joko*, *Joša*, *Jogora*, иж. *Jokoi*, *Johorka*; *Феврония* > водск. *H'ovra*, иж. *Houra*; *Евдокия* (*Авдомья*) > водск. *Oud'e*, *Oudei*, *Oudekki*, *Oudekko*, иж. сойк. *Odoi*, *Oude*; *Евдоким* > иж. *Outuška*;

$e > o > ö > ü$ (образование умлаута возможно в именах с *e*, где вместо канонического *e* в русском языке стоит *ë* [*iu*] и гласная изменяется под влиянием *j*): *Феодор* ~ *Фёдор* > водск. *Fōdra*, *Fūderä*, иж. н-л. *Fōdor*, иж. сойк. *Vōdrä*, *Vōttöi*, *Vūterä*, *Vūtärä*; *Фекла* ~ *Фёкла* > водск. *Fogl'a*, *Fökla*, иж. сойк. *Vöglä*, *Vögöi*.

4.6. Эпентеза в формах мужских имен

Анализ адаптации православных календарных мужских имен в водском и ижорском языках демонстрирует регулярное явление эпентезы — добавления гласного звука в финальной позиции после конечного согласного. В ижорском языке данное явление представлено более широко: *Vihtora* 'Виктор', *Artamona* 'Артамон', *Ignatta* 'Игнатий', *Kirrilä* 'Кирилл', *Pamfila* 'Памфил', *Agaffona* 'Агафон', *Nikkāna* 'Никон', *Pahhōma* 'Павлом', *Mirrōna* 'Мирон', *Rommōna* 'Роман', *Sossōna* 'Созонт', *Nikkānōra* 'Никанор', *Harittana* 'Харитон', *Plattōna* 'Платон' и др. Водский язык демонстрирует меньшее количество подобных форм.

Данное фонетическое явление показывает определенные закономерности в обоих языках. Эпентетический гласный представлен преимущественно звуками *a/ä* и *o/ö*, что связано с исходной фонотактикой прибалтийско-финских языков, где слова редко заканчиваются на согласный. В ижорском языке процесс часто сопровождается компенсаторным удлинением гласного, что отражается в транскрипции: *Nikkānōra*, *Sossōna*.

Примечательно, что эпентеза происходит после определенных типов согласных: сонорных (*n*, *m*, *l*) и шумных (*t*, *k*, *f*). В ряде случаев процесс сопровождается геминацией предшествующего согласного (*Nikkāna*, *Ignatta*), что может рассматриваться как компенсаторное явление при адаптации заимствований в прибалтийско-финские языки.

4.7. Преобразования в консонантных кластерах

Трансформациям в водском и ижорском языках подлежат те согласные, которые не присущи этим языкам и являются для них чужеродными. В исконной лексике прибалтийских финнов двойные согласные в начале слова отсутствуют. Их также избегают (но не всегда) в начале слов в водском и ижорском языках (Saar 2000, p. 18), а также в диалектах восточных карелов (Nissilä 1975, p. 210) и тверских карелов (Virtaranta 1973, p. 488–489).

Существует несколько способов избежать двойной согласной в начале имени, и наиболее распространенный — удаление одного из компонентов начальных консонантных кластеров *gr*, *sp*: *Григорий* > водск. *Kiko*, *Kikoria*, иж. *Kikori*, *Kikorja*; *Спиридон* > водск. *Pirkko*; *Степан* > водск. *Теро*, иж. сойк. *Тевоi*.

Затруднения также представляли произнесения слов, начинающихся на *ф*. По мнению Я. Калима, звук *f* сохранился в заимствованных существительных русского языка почти у всех прибалтийских финнов. В то же время он допускал появление русских *f*-начальных личных имен в качестве *h*-начальных карельских личных имен (Kalima 1952, p. 70). Это изменение также распространено в водском и ижорском языках, где наряду с заменой *f* > *h* в сойкинском диалекте ижорского во многих случаях имеет место переход *f* > *v*, в то время как в водском и нижнелужском диалекте ижорского часто сохранялось начальное *f* (переход *f* > *hk* не характерен для водского и ижорского, в отличие от сету). Кроме того, заимствованные в водский язык *f*-начальные личные имена, по видимому, отражают более архаичную ступень адаптации (ср. водские диалектные варианты *fökl* 'свекла' и *sv'okl* 'свекла', первый из которых является архаичным заимствованием, а второй — более новым) (Рожанский 2014, с. 306). В середине имени *f* сохраняется во многих адаптированных в водский и ижорский языки календарных именах.

Не менее трудными для произношения были имена, начинающиеся на *фр*, *хр* и *вл* в начале имени. В последнем случае одна согласная либо исчезала в начале имени (*Власий* > иж. *Lässe*, *Lässei*), либо лабиализовывалась (*Власий* > водск. *Ulaska*), однако если согласная *v* слогообразующая в начале имен, то она эквивалентна русскому *в*: *Виктор* > иж. *Vihtora*. Начальные кластеры *ks*, *pr* нередко становились лабиализованными: *Ксения* > водск. *Oksju*, *Okse*; *Праскева* > водск. *Opraska*. При этом смычные *p*, *t*, *k* обычно сохранялись как в начале, так и в середине имени. В середине антропонима более заметен прибалтийско-финский рефлекс *kt* > *ht*: *Виктор* > иж. *Vihtora*. Славянские звонкие согласные оглушались в начале имен, особенно ижорском. Особый интерес представляет имя *Георгий*, которое в водском и ижорском языках адаптировано с йотированным начальным слогом, при этом оглушение *g* наблюдается в большинстве случаев: водск. *Jogora*, *Johorka*, *Johrei*, *Joko*, *Jürki*, иж. *Johorka*, *Jokoi*.

Русскому *х* соответствует также *h* в начале имени в водском и ижорском, за исключением случая сочетания *h* с начальной согласной, и в этом случае возможно либо *hr* > *h* (*k*), либо *hr* > *kr*: *Христина* > водск. *Kristina*. В середине антропонима звук *h* либо сохраняется, либо удваивается; в ижорском может встречаться также замена *h* > *hk*: *Тихон* > иж. *Tihkana*; *Михаил* > водск. *Mihal*, *Mihhal*, иж. *Mihkali*, *Mihkeli*. В водском и ижорском языках наблюдаются замены *h* > *g* или *h* > *k* (> *kk*): *Захар* > водск. *Zako*, иж. *Sagoi*, *Sakoi*; *Михаил* > водск. *Mikala*, *Miki*, *Mikkeli*; иж. *Mikalkka*, *Mikkala*, *Mikkei*, *Mikkoi*.

Носовые *m* и *n* хорошо сохранились как в начале названий, так и внутри них. Исключение составляет *n*, стоящий перед *i*, который под влиянием русского просторечия был заменен на *m* в народных эквивалентах календарных названий в западных финно-угорских языках.

Из наиболее показательных замен на фоне заимствований личных имен являются следующие консонанты *b*, *d*, *g*, *v*, *f*, *n*, стоящие в начале или середине имени (Saar 2015, p. 175–177):

b* > *p: Борис > иж. *Poris*, *Porissa*;

d* > *t: Даниил > иж. *Tanila*; Дорофей > иж. *Toroška*;

g* > *k: Гаврил > иж. *Kaurila*; Григорий > водск. *Kiko*, *Kikoria*, иж. *Kikori*, *Kikorja*, *Krisa*, *Krissa*;

-vC-* > *-bC-: Гаврил > водск. *Gäbre*;

-vC-* > *-uC-: Евдокия > водск. *Oudekki*, *Oudekko*, иж. *Oude*; Гаврил > водск. *Gauri*, *Gaurila*, иж. *Kaurila*;

-vC-* > *-C-: Евдокия > водск. *Ot'u*, *Oto*, иж. *Otoi*; Гаврил > водск. *Ga'ro*;

f* > *f: Фекла ~ Фёкла > водск. *Fogl'a*, *Fökla*; Филимон > водск. *Fila*, *Filjo*, *Fil'o*, *Filu*; Филипп > водск. *Filippa*; Феодосия > иж. н-л. *Fed'osk*; Агафон > водск. *Ofo'ia*, *Ofonja*;

f* > *h: Феврония > водск. *H'ouva*, иж. *Houra*; Филимон > иж. н-л. *Hiil'o*; Филипп > иж. сойк. *Hiippa*; Фома > водск. *Hōma*, иж. *Homa*;

f* > *v: Фаддей > водск. *Vadje*; Феодор > иж. сойк. *Vödrä*, *Vöttöi*, *Vütöi*, *Vüttöi*, *Vüterä*, *Vütärä*; Фекла ~ Фёкла > иж. *Vöglä*, *Vögöi*; Феодосия > иж. сойк. *Vetoška*; Филимон > водск. *Vil'u*, иж. *Vilo*, *Viloi*; Филипп > водск. *Vilpo*;

f* > *hv: Афанасий > иж. *Ohvana*, *Ohvon*, *Ohvona*; София > иж. *Sohvi*; Трифон > иж. *Trihvana*;

f* > *v: Ефрем > иж. сойк. *Jevo*;

f* > *p: Трофим > водск. *Tropo*, иж. сойк. *Trovoi*, *Tropoi*;

ni* > *mi: Никита > водск., иж. *Mikitta*, иж. *Mikki*; Никифор > водск. *Miko*, водск., иж. *Mikifora*; Николай > водск. *Mikala*, *Miko*, *Mikola*, *Miku*, иж. *Mikkula*.

Оглушение согласных *b*, *d*, *g* в начале слова, рефлексы русских *f* и *v* и переход *n* > *m* также наблюдаются в карельском языке (Кузьмин 2016).

4.8. Геминация

Еще одним важным изменением является геминация согласной, следующей за гласной слога, ставшего безударным в результате переноса ударения: Антон > иж. *Onttana*, *Onttona*; Григорий > иж. *Krissa*; Матвей > водск. *Matte*, водск., иж. *Matti*; Михаил > водск. *Mikkeli*, иж. *Mikkala*; Мусей > водск. *Mošše*, *Mosse*, водск. *Mošše*; София > водск. *Soffi*.

Геминация в водском и ижорском языках происходит и в конце слова при адаптации односложных имен, оканчивающихся на согласный, при присоединении к исходной форме гласного звука: ср. Карп > водск. *Karppa*, *Karppo*, иж. *Karppi*, *Karppo*; Тим > иж. сойк. *Titto(i)*; Влац > иж. *Lässē*, *Lässe*; Марк > водск. *Markko*, *Markku*.

4.9. Палатализация

Замечено, что в обоих языках чаще всего палатализируются переднеязычные согласные *t, n, l, s*. При этом палатализация наиболее последовательно проявляется при адаптации русских имен, где в оригинале присутствует мягкий согласный. Однако данное явление, похоже, происходило не на почве водского и ижорского языков, поскольку в эти языки заимствовалась зачастую не полная, а гипокористическая русская форма, в которой был уже исходный мягкий согласный:

Федор > Федя > водск. *Fed'o, Fed'a, Fet'o*;

Димитрий > Митя, Митька > водск. *Mit'o, Mit'k*, иж. *Mit'joi*;

Мартын > Мартин > водск. *Martti*;

Матрона > Мотя > водск. *Mat'o*;

Екатерина > Катя > водск. *Kat'u*;

Вениамин > Веня, Венька > водск. *Veña, Veñk*;

Мария > Маня, Манька > иж. *Mañá, Mañtka*;

Василий > Вася, Васёк > водск. *Vas'o*, иж. *Vas'sã*;

Петр > Петя > водск. *Pet'ä*.

Исключения из этих правил составляют те окказиональные случаи, когда палатализовалась твердая согласная с последующим добавлением собственных прибалтийско-финских суффиксов *-o* и *-u*, и данное явление интересно тем, что оно, по всей видимости, произошло уже на почве водской и ижорской фонотактики:

— *t > t'*: Тим > водск. *Tit'o*; Матфей > водск. *Mat'fe*, иж. *Mat't'i*; Намалья > водск. *Nat'u*;

Матвей > водск. *Mat'u*;

— *d > d'*: Адам > водск. *Ad'am*; Давид > водск. *D'avitk*; Евдокия > водск. *Ot'u, Oud'e*;

— *l > l'*: Лука > водск. *L'uko*; Владимир > водск. *Vol'o*; Галактион > водск. *Al'k*; Мелания > водск. *Mal'o*; Пелагея > водск. *Pal'o*;

— *s > s'*: Елизавета > водск. *Lis'o*; Устинья > водск. *Us'o*.

В водском языке палатализация равномерно представлена как в мужских, так и в женских именах. В обоих языках палатализация *t'/d'* в женских именах чаще происходит перед *u* (*Kat'u, Nat'u, Mat'u*), а в мужских — перед *o* (*Fed'o, Mit'o, Pet'o*).

Итак, как можно видеть, в механизмах фонетической адаптации календарных имен прослеживается два основных типа изменений.

Первый тип охватывает те фонетические явления, которые были обусловлены влиянием русского языка как языка-донора. К ним относятся лабиализация гласного *a* в позиции первого слога, что отражает русские диалектные формы, палатализация согласных, унаследованная от русских гипокористических форм, а также переход *e>a* в первом безударном слоге, характерный для русской разговорной речи.

Второй тип представляет собой изменения, произошедшие непосредственно на почве водского и ижорского языков в соответствии с их фонологическими системами. Сюда относятся такие явления, как зако-

номерное удлинение гласных в первом предупредительном слоге, геминация согласных, самостоятельное развитие палатализации при добавлении прибалтийско-финских суффиксов, специфические преобразования консонантных кластеров, включая упрощение начальных сочетаний согласных, субституцию согласных и различные типы ассимиляции. Особо следует отметить регулярное явление эпентезы в финальной позиции мужских имен, более характерное для ижорского языка. Таким образом, процесс фонетической адаптации представляет собой сложное взаимодействие унаследованных из языка-донора черт и собственных фонологических преобразований языков-реципиентов.

5. Морфологические и словообразовательные особенности водских и ижорских форм христианских имен

Применительно к водским антропонимам, бытующим по крайней мере в нижнелужском ареале, было замечено, что в заимствовании календарного антропонимикона в водский язык отсутствовал единообразный механизм, который мог бы однозначно объяснить изменения в морфологическом облике водских личных имен. Все же некоторые наблюдения, сделанные автором, позволяют сделать предварительные выводы.

Во-первых, личное имя либо усекалось и суффицировалось еще в русском языке, то есть до заимствования имени водским языком, либо усекалось уже после заимствования.

Во-вторых, заимствованное имя могло оформляться водским диминутивным суффиксом *-o* (*Ul'o* 'Ульяна', *Zako* 'Захар'), *-i* (*Voli* 'Владимир'), *-e* (*Ok'e* 'Аксинья'), *-u* (*Houru* 'Хевронья', *Joku* 'Георгий').

В-третьих, могла заимствоваться форма звательного падежа русского имени — по крайней мере у мужских имен: *Naume* 'Наум', *Maksime* 'Максим', причем заимствуемая русская форма вокатива могла переосмысливаться как содержащая прибалтийско-финский диминутивный суффикс *-e*; для женских имен это правило также могло работать, только в форме вокатива с конечным *-u*, который переосмысливался тоже как водский диминутивный суффикс.

В-четвертых, в результате интенсификации контактов с ижорским языком в нижнем течении р. Луги из ижорского языка могла быть заимствована словообразовательная модель, использующая диминутивный суффикс *-oi*, или же происходило заимствование уже готовой ижорской формы, что поспособствовало появлению в водском языке группы мужских и женских имен, оканчивающихся на *-o* (Рожанский 2014, с. 314–315).

В рамках прикладной лингвистики анализ морфологических механизмов адаптации заимствований имеет существенное значение для разработки принципов нормализации антропонимических систем малых языков. Сравнительно-сопоставительное изучение словообразовательных моделей позволяет выявить продуктивные способы освоения иноязычного материала.

5.1. Рефлексы русского суффикса *-(ь)ка, -(ь)ко*

Эти суффиксы славянского происхождения придают личному имени гипокористическое, уменьшительно-ласкательное или даже пейоративное значение в русском языке. Очень продуктивен этот суффикс и в антропонимах православных прибалтийских финнов. Существуют определенные правила добавления этого суффикса в водском и ижорском языках, такие же, как и в русском: для придания имени полной формы в случае односложных имен: *Фрол* > водск., иж. *Frol/ka*; для сокращения формы: *Методий* > водск. *Mefod'/ka*; *Василий* > иж. сойк. *Vaś/ka*, водск. *Vaś/ko ~ Vaś/ku* (Saar 2015, p. 181).

В русском просторечии существует популярная суффиксальная парадигма *-š+(b)ка* и *-š+(b)ко*, распространившаяся через контакты в прибалтийско-финские языки. Этот суффикс часто имеет пейоративный оттенок значения: например, водские жители чаще всего употребляли этот составной суффикс в именах молодых людей, кому до 40 лет (Ariste 1948, p. 126). У воды и ижоры этот составной суффикс в более выраженной форме *-ska, -sko ~ -sku* появился параллельно с русскими антропонимами на *-шка, -шко*: *Тимофей* > водск. *Timoška*; *Терентий* > водск. *Teroška*; *Мария* > водск., иж.н-л. *Marjuska* (Saar 2000, p. 33).

5.2. Прибалтийско-финские суффиксы **-oi, -o, -u*

В первую очередь необходимо отметить, что для антропонимов, прежде всего в восточных прибалтийско-финских языках (Шилов 2010, с. 38), в структуре образования личных имен характерен суффикс **-oi*, который, с большой долей вероятности, является самым древним общеприбалтийско-финским антропонимическим суффиксом, и, судя по документам, он встречается уже в дохристианских именах: например, в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского упоминаются имя *Меме* (=Meeme) < *meeme* < эст. и лив. **mētōi* и одноименный ойконим *Memeculle* (Joalaid 2009, p. 532). В карельском языке слово *miemoi* означает 'человечек', и слово в эстонском и ливском могло быть в форме **mētei*. То же самое имя появлялось также в эстонской именной традиции XVI века (*Andrys Мемепоик* 1582) и финской (*Clemet Мемоунен* 1549) (Mägiste 1927, p. 375–376).

Данный суффикс оформляет как исконные, так и заимствованные (например, из русского языка), именные основы (Nissilä 1975, p. 210; Муллонен 1994, с. 87–110). Изначально суффикс *-oi* был диминутивным, но при образовании личных имен утратил эту функцию (Mägiste 1928, p. 56).

В большинстве прибалтийско-финских языков и диалектов суффикс **-oi* развился фонетически: в некоторых карельских и ижорских диалектах, а также финском и водском языках он дал монофтонг *-o*, в южновепских и некоторых финских диалектах *-oi* превратился в длинный монофтонг *-ō*, в эстонском и ливском *-oi* > *-o* > *-u* (Joalaid 2009,

р. 533). В нижнелужском диалекте ижорского языка, а также нижнелужском диалекте водского языка в антропонимах наблюдается звуковая потеря конечного компонента *i* из безударных суффиксов *-oi*, *-õ* (Ariste 1980, р. 82; Mägiste 1928, р. 54). В именах, имеющих в основе гласный переднего ряда, может появляться вариант суффикса переднего ряда *-õi*: иж. *Ärttõi* 'Артемий', *Vüttõi* 'Феодор'. Суффикс *-oi* в прибалтийско-финских языках также имел вариант *-ei* (который сегодня превратился в *-e*); помимо этого, южная ветвь прибалтийско-финских языков (эстонский, ливский, водский) также имеет гласный *-e*.

В образовании водских и ижорских антропонимов участвует также *-u*: например, иж. *Adu* 'Андриан', *Mat'u* 'Матвей'; водск. *Art't'u* 'Артемий, Артем', *Ol'u* 'Алексей, Олексей'; *St'opu* 'Степан, Степа'; *Savu* 'Савва' (Joalaid 2009, р. 532). Этот суффикс является довольно древним, поскольку он встречается в именной базе каждого прибалтийско-финского народа, иногда вперемешку с суффиксом *-oi*, который, возможно, развился по следующему пути: *-oi* > *-o* > *-u*: эст. *Anu*, иж., водск. *Añu* (Ibid., р. 533). П. Аристе также отмечал, что финаль в водских личных именах может быть представлена также *-u* (как в эстонском языке) (Ariste 1980, р. 82). Этот суффикс несколько реже используется для имен в водском и ижорском языках, чем *-oi/-õi*.

В случае происхождения *u*-суффикса, помимо западно-финского, необходимо учитывать возможное влияние русского языка, хотя в русском языке *-u/-ju* обычно не появляется на конце формы имени — за ним следует другой суффикс, выражающий уменьшительно-ласкательное значение, например *Митрофан* > *Mitr/u/š/ka*, *Ан/жу/та* (Nissilä 1975, р. 29). Данные гипокористики зафиксированы у православных прибалтийских финнов следующим образом: 30 водских имен (*Анна* > *Añu*, *Агрипина* > *Ogru*, *Варвара* > *Vařu*), 6 имен из ижорского ареала Нижней Луги (*Матфей* > *Mat'u*, *Мария* > *Mařu*, *Степанида* > *St'epu*) и только три *u*-имени из сойкинского ареала (*Анна* > *Annu*, *Агрипина* > *Ogru*, *Надежда* > *Natu*) (Saar 2000, р. 29–30).

Идею о гипотетическом влиянии русского языка на «водизированные» формы имен на *-o* и *-u* развил позднее Ф. И. Рожанский, привлекая синхронические данные и при этом не отрицая, однако, гипотезу о чисто фонетическом переходе конечного *o* в *u* при заимствовании, соглашаясь с тем, что эти компоненты вполне могут быть диминутивными суффиксами (Рожанский 2014, с. 312).

Он привел 75 форм имен (36 женских и 39 мужских) из водского антропонимикона — наиболее распространенных и частотных, записанных им в 2003–2014 годах от пяти носителей песоцко-лужицкого диалекта водского языка, и в результате сравнения обратил внимание, что доля имен на *-o* и *-u* существенно превалирует над антропонимными формами с финалью *-i* и *-e*, причем женских имен на *-u* больше, чем мужских на *-o*, что, как считает Ф. И. Рожанский, может быть обусловлено пока не известными нам гендерными принципами имянаращения в водском языке (Там же, с. 307–308, 310). Впрочем, и Д. Цветков отразил похожую картину — в его словаре наблюдается преобладание

форм на *и* среди женских имен и преобладание форм на *о* среди мужских имен, хотя у Д. Цветкова зарегистрировано несколько мужских имен на *-и*: *Davu* 'Давид', *Merkku* 'Меркурий', *Markku* 'Марк', *On'u* 'Андрей', *Ort't'u* 'Артем' (Tsvetkov 1995), что, по мысли Ф.И. Рожанского, объяснимо, кроме *Davu*: *Merkku* является очевидным усечением, сохранившим гласный корня, а *Markku*, *On'u* и *Ort't'u*, скорее всего, являются результатом усечения, сохранившим суффиксальный гласный (Рожанский 2014, с. 314).

Задаваясь вопросом о том, чем является финаль *-о* в водских антропонимах мужского рода, Ф.И. Рожанский высказал предположение, что влияние мог оказать древнерусский суффикс *-к-*, к которому нередко присоединялось окончание *о*, образуя имена мужского морфологического рода. Таким образом, на конце имен в водском языке могло происходить упрощение консонантного кластера путем отбрасывания одного из согласных — чаще всего самого суффикса *-к-*: например, *Vas'ko* > *Vas'o*, *Semko* > *Semo*, *Gavko* > *Gavo*, *Muško* > *Miko* (Там же, с. 311).

С другой стороны, не исключено заимствование личного имени в водский язык в форме звательного падежа при условии преобладания *и*-унификации (то есть преимущественно женских имен), хотя сам Ф.И. Рожанский признает, что верификация этой гипотезы представляет трудности в силу недостаточной полноты русской исторической диалектной базы, поскольку в той диалектной зоне, в которую попадет водь, вокатив характеризуется отпадением вокального элемента (*мам!*, *Тань!*), и эти данные относятся уже к XX веку (Там же, с. 311 — 312). В целом, по мнению Ф.И. Рожанского, финаль *-и* в водских личных именах вряд ли можно считать полноценным диминутивным суффиксом, так как данный формант, по необъяснимым причинам, преобладает именно в женских именах и его функциональность отсутствует за пределами имен собственных (Там же, с. 312).

Что касается ижорского языка, то, по данным Ф.И. Рожанского, в сойкиномском диалекте личных имен на *-и* не зарегистрировано, за исключением *Ogru* 'Агришина' и *Adu* 'Андриан'; правда, по другим данным, засвидетельствованы еще *Annu* 'Анна', *Natu* 'Надежда' (Saar 2000). В этом диалекте, как считает Ф.И. Рожанский, в основном присутствуют довольно старые формы на *-oi*, что доказывает большую архаичность сойкинского диалекта: *Kadoi* 'Екатерина', *Ogoi* 'Агафья', *Pavoi* 'Павел', *Ivoi* 'Иван', *Odoi* 'Евдокия', *Timoj* 'Тимофей', хотя присутствует немало имен на *-о* (Lauerma 1993), в то время как в нижнелужском диалекте ижорского наблюдается монофтонг в финали: *Kat'o* 'Екатерина', *Oko* 'Агафья', *Pavo* 'Павел', *Ivo* 'Иван', *Timo* 'Тимофей', и кроме того, имеются имена с *и*-финалью, причем не только женские, но и мужские: *An'u* 'Анна', *Nat(')u* 'Наталья', *Veru* 'Вера', *Mat'u* 'Матвей', *Fomu* 'Фома' (Рожанский 2014, с. 312).

Как и Ф.И. Рожанский, Э. Саар также поставила вопрос о происхождении суффикса *-о*. По ее мнению, он не может быть решен однозначно в тех случаях, когда этот суффикс встречается в греческой и русской формах имени, так как эти имена могут быть частично заим-

ствованными: *Ермолай* > водск. *Jermo*; *Тимофей* > водск., иж. н-л. *Timo*; *Яков* > водск., иж. н-л. *Jäkko, Jakko*. С другой стороны, встречается такая антропонимная номенклатура, где наблюдается палатализация предшествующего суффикса согласного под регрессивным влиянием прежнего конечного *i*: *Матрона* > водск. *Mad'jo, Mad'ro*; *Филимон* > иж. н-л. *Hiil'o*. Диминутивный суффикс **-oi* можно увидеть более определенно в сойкинском диалекте ижорского языка, где утраты компонента *i* обычно не происходит. В целом, по заключению Э. Саар, **-oi* — очень продуктивный диминутивный суффикс, обильно встречающийся как в женских, так и в мужских именах (Saar 2015, p. 179–180).

5.3. Отражение русской финали *-Vй* в мужских именах

В мужских *ей*-именах (*Андрей, Сергей, Елисей, Матвей*) на почве водского и ижорского языков произошло дальнейшее усечение финального консонанта, причем здесь можно выделить несколько вариантов развития данного явления:

как *-е*: *Андрей* > иж. *Andre*; *Фаддей* > водск. *Fad'd'e*; *Матфей* > водск. *Mat'fe, Matte*; *Сергей* > иж. *Serke, Sirke*;

как *-i*: *Елисей* > иж. *Jelessi*; *Матфей* > водск. *Matti*, иж. *Mat't'i*;

как *-oi*: *Тимофей* > иж. сойк. *Timoï*.

Следует заметить, что финаль *-oi* чаще появляется в *-ий*-именах, причем именно в ижорских формах: *Артемий* > *Ärtöi*; *Прокофий* > *Prökköi, Progoi, Prokoi, Prokkoi*; *Георгий* > *Jokoi*; *Димитрий* > *Mittoi, Mitoi*; *Макарий* > *Makoi*; *Терентий* > *Teroi*.

В *-ий*-именах на почве водского и ижорского языков могут быть следующие варианты в финалях:

как *-о*: *Антоний* > водск. *Ontto*, иж. *Antto*; *Прокофий* > водск. *Proko*; *Георгий* > водск. *Joko*; *Григорий* > водск. *Kiko*; *Димитрий* > *Mitjo*; *Леонтий* > водск. *L'evo*;

как *-i*: *Антоний* > иж. *Antti*; *Лаврентий* > водск. *Lauri*;

как *-е (-ei)*: *Арсений* > иж. *Arse*; *Ануфрий* > водск. *Onufre*; *Власий* > иж. *Lässe, Lässeï*;

как *-u*: *Артемий* > водск. *Ortju, Art't'u, Ort't'u*; *Георгий* > водск. *Joku*; *Димитрий* > *Mit'u*.

В *ай*-именах в водском и ижорском языках произошли те же изменения, что в *ей*-именах, то есть утрата конечного *i*: *Николай* > водск. *Mikala, Mikola, Mikula*, иж. *Mikkala, Mikkula*.

5.4. Прибалтийско-финские суффиксы **-(i)kkoi, -kko, -kki*

Диминутивные суффиксы **-(i)kkoi* и *-kko* в разных прибалтийско-финских языках смешаны, поэтому их трудно различить. В водском языке исчез суффиксальный компонент *i* дифтонга *-oi*, а отличительной особенностью ижорского языка, что не характерно для водского, является то, что этот суффикс подчиняется гармонии гласных. К тому

же суффикс *-kkoі встречается только в некоторых антропонимных формах: *Евдокия* > водск. *Oudekko*; *Илья* > иж. сойк. *Ilkkoі*; *Прокофий* > иж. сойк. *Progoі, Prokoі, Prokkoі, Prökkö, Prökköі*; *Спиридон* > водск. *Pirkko* (Saar 2015, p. 180).

Вопреки точке зрения А. Алквиста (Ahlqvist 1856, p. 83), суффикс *-ikko* (*-kko*) представлен в водском языке довольно репрезентативно и с более широким значением, чем в финском, где это только 'дефиниция места по его природным свойствам'. Полифункциональность водского суффикса *-ikko* // *-zikko*, помимо своего первичного значения 'дефиниция места', 'собирательность' (*aapõzikko* 'осинник' < *aap* 'осина'; *kojvuzikko* 'березняк' < *kojvu* 'береза'; *liivõzikko* 'песчаное место' < *liiv* 'песок'; *kantõzikko* 'место, где остались одни пни' < *kanto* 'пень'; *tšivikko* 'каменистое место' < *tšivi* 'камень'; *lepikko* 'ольшанник' (от *lep'p'* 'ольха'), представлена также диминутивным значением — например, *kotikko* 'мешочек' (от *kotti* 'мешок'), *päivikko* 'солнышко' (от *päiv* 'день, солнце'); грамматическим значением в случае отглагольных существительных — например, *pettelikko* 'врун' (от *pettemä* 'врать'), *lühzikko* 'подойник' (от *lühsetä* 'дойти'). В некоторых случаях семантика этого суффикса неочевидна — например, *najzikko* 'женщина' (от *najn* 'жена, женщина'), *emikko* 'самка' (от *emä* 'мать') (Маркус, Рожанский 2007, с. 65).

Суффикс *-kki* представлен единично в водском антропониме *Oudekki* 'Евдокия' и больше нигде не зафиксирован.

Таким образом, как и в случае с фонетическими механизмами, анализ морфологических особенностей адаптации христианских антропонимов позволяет выделить два ключевых направления трансформации.

Первое направление отражает влияние русской морфологической системы и проявляется в сохранении и переосмыслении русских словообразовательных элементов. Здесь особенно показательно функционирование уменьшительно-ласкательных суффиксов *-ка/-ко*, которые были заимствованы вместе с антропонимами и впоследствии интегрировались в словообразовательные системы водского и ижорского языков. Сюда также относится сохранение форм русского вокатива, которые в ряде случаев переосмыслились как содержащие прибалтийско-финские диминутивные суффиксы.

Второе направление связано с активным использованием собственных морфологических средств языков-реципиентов. Центральное место здесь занимает древний прибалтийско-финский антропонимический суффикс *-oi* и его варианты, а также суффиксы *-o* и *-и*, демонстрирующие различную степень продуктивности в исследуемых языках. Примечательно, что в водском языке наблюдается гендерная дифференциация в использовании этих формантов, при этом финаль *-и* преобладает в женских именах, а *-o* — в мужских. Особый интерес представляет тот факт, что в сойкинском диалекте ижорского языка сохранились более архаичные формы на *-oi*, в то время как в нижнелужском диалекте преобладает монофтонг в финали.

6. Выводы

Проведенное исследование позволило сделать ряд фундаментальных выводов о характере адаптации христианских антропонимов в водском и ижорском языках.

Установлено, что процесс заимствования имел системный характер и реализовывался через комплекс взаимосвязанных фонетических и морфологических трансформаций.

В области фонетической адаптации выявлены устойчивые закономерности преобразования вокалической и консонантной систем. Принципиальное значение имеет доминирование заднерядного вокализма, обусловленное отсутствием в русском языке-доноре специфических гласных *ï, ä, ö*. Особую значимость имеет выявленная система удлинения гласных в первом предупредном слоге (*Mārja, Īlja*), более системно представленная в ижорском языке.

В морфологическом аспекте принципиальным является установление иерархии суффиксальных формантов, где доминирующую позицию занимает суффикс *-oi* с его диалектными вариантами. Выявлена дифференцированная система адаптации финалей русских мужских имен на *-ий, -ей*, демонстрирующая вариативность трансформаций (*Георгий > Joko / Joku / Jokoi*). Установлено регулярное явление эпентезы в финальной позиции мужских имен, особенно характерное для ижорского языка (*Виктор > Vihtora, Артамон > Artamona*).

Важным результатом является доказательство генетической вторичности водского и ижорского христианского антропонимикона по отношению к русской антропонимической системе. При этом значительная часть разговорных форм демонстрирует происхождение не от канонических вариантов, а от русских диалектных форм, что свидетельствует о сложном характере межъязыкового взаимодействия.

Исследование позволило реконструировать исторические этапы формирования антропонимических систем воды и ижоры, выявить специфику адаптационных механизмов каждого языка. Так, для водского языка характерно преобладание суффикса *-o* (67,3 %) над *-i* (32,7 %), тогда как ижорский демонстрирует более сложную картину с наличием также суффикса *-oi* (14,97 %).

7. Заключение

Применение методов сравнительно-сопоставительной лингвистики позволило выявить как общие типологические закономерности адаптации заимствований, так и специфические черты каждого из исследуемых языков. Полученные результаты могут быть использованы при разработке теоретических моделей языковых контактов и в практике лексикографического описания малых языков.

Результаты исследования вносят существенный вклад в понимание механизмов межъязыкового взаимодействия в области антропонимики и открывают перспективы для дальнейшего изучения прибалтийско-финской ономастики.

Приложения¹

Таблица 1

Календарные водские и ижорские мужские имена

Мужское календарное имя	В	И	Мужское календарное имя	В	И
Аверкий	Overk	OverGa	Макарий	Makar Makark	Makoi Makkaŕa Mokari
Авраам	Abram Abrašĕ Ambrame	Абрама Obroska	Максим	Maksime Maksim	Maksima
Агафон	Agaffona Ofoŋa Ofonja	Agaffona	Марк	Markko Markku	Markkoi
Адам	Adam	ADo	Мартын	Martti	—
Адриан	Ondrušk Onu	Adu	Матфей	Matti Mat'fe Matte Mot'k	Mat't'i Mat'u Matfē
Александр	Ol'o	Oleksandr Ol'o Saska Sura	Меркурий	Merkku	—
Алексей	Ol'ekse Ol'o Ol'okse	Oleksa	Мефодий	Mefod' Mefod'e Mefod'ka	Miffō
Анатолий	Anatol'a Tol'a Tol'k	—	Мирон	Miron Mirošk	Mirroŋa
Андрей	Ondrē Ondrona Ondruška Ondrušk Ondre Onu	Andre Ondre Andre Ontere	Митрофан	Mitr(ō)fona Mitrušk	Mitroffana
Анисим	Onissima Ono	Onissima	Михаил	Mikala Miki Mikkeli Mihal Mihhal Miko Mihalĕ Miša Mišk	Mikalkka Mikkala Mikkei Mikkoi Mihkali Mihkeli Mihkili MihalGa Mišsā

¹ Данный антропимный материал собран и систематизирован из полевых находок автора, а также собрания В. Алава (Alava 1901), собрания П. Аристе "Va-dja etnologia", словаря ижорского языка Р. Нирви (Nirvi 1971), словаря по кракольскому диалекту водского языка Д. Цветкова (Tsvetkov 1995).

Продолжение табл. 1

Мужское календарное имя	В	И	Мужское календарное имя	В	И
Антип	Antip̄ Antipk	Ontippa	Михей	Mih'he	Mihhē
Антоний	Ontto Ontun Ontošk Ona	Onttana Onttona Antto Antti Onttoska	Моисей	Mošše Mosse Moššei	Mossē
Ануфрий	Onufre	Onufrē	Мокей	Mokke	Mokkē
Аркадий	Arkašk Arkad'e	—	Назар	Nazar Nazark	NazarGa
Арсений	Arsent	Arse Arsse	Наум	Naume	Nauma
Артамон	Artamona	Artamona	Нестор	Nestori	Nesteri
Артемий	Ortju Art't'u Art'ime Ort'ime Ort't'u	Ärtöi Ärttö Ärttöi Orttu	Никандр	Nikandr Nika	—
Архип	Arkippa Arkip̄	ABoi Arhippa	Никанор	Nikanora Nika	Nikkānōra
Афанасий	Ofon Ofonk	Ohvana Ohvon Ohvona	Никита	Mikitta Miku Miki Mikif	Mikitta Mikki MiGitta
Борис	Boriš Bork	Poris Porissa	Никифор	Miko Mikifora Mikifork	Mikifora MiGiffora
Вадим	Vadim Vlad'im Vlad'ime	Vatte	Николай	Mikala Miko Mikola Miku Mikula Mikkul Kol'a Kol'k Mikul	Kali Koli Kol'a Kol'kka Mikkula Mikkala
Валериан	Valeri	—	Никон	Nikōn	Nikkāna
Варлаам	Varlame	Varla	Нил	Nīl	—
Василий	Vas'o Vaško Vašku Vasel' Vasil' Vašk	Vässeli Vaška Vas'sa Vässeli	Павел	Pavo Pafk Pavlušк Pāvīl	Pavoi Pavo Pāvo Pāvoi Pauluška Pāvila
Вениамин	Veniamin Veña Venk	—	Памфил	Pamfil	Pamfila

Продолжение табл. 1

Мужское календарное имя	В	И	Мужское календарное имя	В	И
Виктор	Viktor Vit'a Vit't'a Vit'k	Vihtora Vihteri Vilho	Панкратий	Paņkrōf	—
Владимир	Voli Влад' me Vol'o Волод' Волот'k	Voloi	Пантелей-мон	Pantele Pant't'u	—
Власий	Ulaska Lässe	Lässe Lässe Lässe	Папсий	Pässe	—
Гавриил	Gafo Gauri Gaurila Gauril Gavrušk Gäbre Gavo	Kaurila Kaurula	Парамон	Paramona	—
Галактион	Al'k	—	Патрикий	Patre	—
Генрих	Hindrikko	—	Пахомий	Pahom	Pahhōma
Георгий / Юрий	Jegor Jogora Johorka Johork Johrei Joko Jürki Joša Joku Joko	Johorka JohorGa Jokoi Jogoi Jüri	Петр	Pekko Pet'ä P'eto Pet'o Petr Pōtr Pet'k Petrušk	Pekko Pekko Peto PeDoi Pedri Pet'ä
Герасим	Gafo Garassim Garassima	Karassima	Пимен	Pīmen	Pīmeniä
Григорий	Kiko Kikoria Kigoria Griša Grišk	KiGoi Kikori KiGoria Kikorja Krisa Krissa	Платон	Platon Platošk Plato	Plattoña
Давид	DaviD Davitk Davo Davu	Tavu TavuDa	Поликарп	Polikarp̄	—
Даниил	Danil Danil'k	Tanila	Порфирий	Parffe	—
Денис	Tenisse	Tenessi	Потапий	Potap̄	—

Продолжение табл. 1

Мужское календарное имя	В	И	Мужское календарное имя	В	И
Димитрий	Miteri Mitjo Mit'u Mitre Mit'o Mit'a Mit'k D'imk	Mittoi Mitoi Mīdrē	Прокл	Prokl	—
Дорофей	—	Toroška	Прокофий	Proko Prokoppe	Prökkö Prökköi Procoi Prokoi Prokkoi
Евдоким	Oudušk	Outuška	Родион	Rod'i Roti Rod'ivona	RoDi
Евсевий	Ousse	Jeussē	Роман	Roman Romašk Romo	Rommōna
Евстафий	Ostaffe	Jestoi	Савва	Sāv	Savoi Sāvva
Елеазар	Il'o	—	Савелий	Savel'	—
Елисей	Jelja Jelisse Jesse	Jelessi Jelissē	Саверин	Saveri	—
Емельян	—	Omēlia	Самсон	Samson	Sāmpsānā
Епифан	Jepifana	Jeppifana	Самуил	Samuli Samu	Sammūli
Еремей	Jerom Jerome	—	Севастьян	Savaste	Savasti
Ермолай	Jarmušk	Jarmoni	Семен	S'emo Semon Senk Seña	Semoi Simoi Simo Semmeña SenDka
Ерофей	—	Joroi	Сергей	Serge Sera Serožō	Serkē Serke Sirke Sirkei Seŕo
Ефим	Jefim Jefime	Jeffīma	Сидор	Sīderi Sideri	Sīteri
Ефрем	Jefrem Jefreme	Jevo Jefroma	Сильвестр	Silo	Siloi
Захар	Zako Zahark	Sagoi Sakoi SaharGa	Созонт	Sozo Sozon	Sossoña

Продолжение табл. 1

Мужское календарное имя	В	И	Мужское календарное имя	В	И
Зиновий	Zinovjō	—	Соломон	Solo	—
Иван	Vaño Ivo Van'ō Vaña Vanušċ Vañk Ivašk	Īvana Ivvāna Vaña Ivoi Ivo	Софрон	Sofrom	Sofroma
Игнатий	Iko Ignōf	Ignatta	Спиридон	Pirkko Pirkko Spirka Spiridona	Pirkka SpiriDona
Иеремия	—	Jerroġma	Степан	Tepo Stopa St'opk St'opa St'opan	Tevoi SteBoi St'opka St'oppā
Илларион	Lari Lavrušk	Hlāri Lāri	Тарас	Tarassu Taraš Tarasse	Tarassu
Илья	Īliā Īlia Īl'ō Īl'jā Īl'k Īl'u Īl'ušk	Īljā Īlja Īlkkoi	Терентий	Teroška Terešk	Teroi Tereska
Иммануил / Мануил	Manuġl	Manu	Тимофей	Timo Timoška T'imk Timošk	Timoi Timo Timoska
Иоаким	Akim Akime Jakim	Jekkīma	Тит	Tito	Titto(i) Tittōva
Иосиф / Осип	Osiṗ Osiṗ	Ossippa	Тихон	Tihan Tifona Tihōn	Tihkana Tihana
Ипатий	Ipatti	—	Трифон	Triṗōn	Trihvana
Ипполит	Pol'if	Līppoi	Трофим	Tropo Trošo Trofim Troša	Trovoi Tropoi
Исаак	Isaċ	Issakka	Ульян	Ul'ōšk	—
Иуда	—	JuDa	Устин	Ustiñ	—
Каллистрат	Kal'istraġ	—	Фаддей	Vadje Fad'd'e Fatte	—

Продолжение табл. 1

Мужское календарное имя	В	И	Мужское календарное имя	В	И
Капитон	Kapitona	—	Фалалей	Falale	—
Карп	Karp̄ Karpra Karppo Karpušk	Karpra Karppi Karppo	Федор	Fed'o Fed'a Fet'o Fōdra Fūderä Fūder Fedušk Fed'ušk Fet'k Vōttö Vūtto	FeDa Füotro Vōdrä Vōttöi Vūttoi Vūttoi Vūterä Vūtärä Vōterä Fōdor
Кирилл	Kiri Kirił Kiro Kīrušk	Kirriła Kiriłä Kiroi	Федот	Fedof	VeDotta
Клавдий	Klaude Glaude	—	Федул	Fedul	—
Кондратий	Kondrōf	KonDratti	Феодосий	Fedosse	VeDossē
Константин	Kost' Kost'ušk	Kosta	Феоктист	Feokt'ist	—
Корней	Korne	—	Феофан	Feofana Fōfōn Fōfōn	—
Ксенофонт	Sino	—	Филарет	Fulaf Fulatk	—
Кузьма	Kušk Kuža Kuzo Kūzim	Kuzoi Kūzma	Филимон	Vi' u Fila Filjo Fil'o Fil'a Filu Fil'k	Filimoni Vilo Viloi
Куприан / Киприан	Kupri Kupre	KiBoi	Филипп	Vilpo Filippa Fil'ip̄	Hilippa
Лавр / Лаврентий	Lauri Hlāri Lavrušk	Lauri	Фока	Foka	—
Лазарь	Lāžōri	Lāžari	Фома	Hōma Foma Fomk	Foma Fōma Fomu
Лев / Леонтий	L'evo Levo Lefk L'ofk	Levoi	Фрол	Frolka Frola Frolk	Frola Frolka Frolkka

Окончание табл. 1

Мужское календарное имя	В	И	Мужское календарное имя	В	И
Леонид	LeoniD	—	Харитон	Haritona Harō	Harittana
Логин	Lōgin	Lokkīna	Христофор	Krist(ō)fora	Kristafora
Лука	Luko Lukašk	Lukka	Яков	Jākko Jäkko Jakko Jašk Jaša	Jākko Jakko Jakkoi
Мавр	Mavr	—			

Таблица 2

Календарные водские и ижорские женские имена

Женское календарное имя	В	И	Женское календарное имя	В	И
Агафия	Ogu Oko Oku Ogašk Agu Aguška	Ogoi Okoi Ogoi Oko OGaska	Лукерья	Lukkō	—
Агрипина	Ogru Gruša	Agrappina Agraffē Ogru Kruššā	Любовь	L'upu L'uba L'upu	—
Акулина	Oku Okulina	Okkuli	Людмила	Lüsä	—
Александра	Ol'eksandra Ol'ο	Oloi Oleksandra Sura	Мелания	Malo Mal'ο Malan̄	Malenia
Анастасия	Nas'u Nasto Nastas̄ Nast' Nasa	Nastoi Nāstoi Nastasja Nasto	Марина	Marin	—
Анисия	Oni Onisa Onišša Onissi Onja	Anissē	Мария	Mārja Mar'ο Mafo Maša Marjuska	Mafo Mārja Māria Māroi Marjuska Maŋa Mantka Maššā

Продолжение табл. 2

Женское календарное имя	В	И	Женское календарное имя	В	И
Анна	Anni Aññukki Añu An' u Annušk	An' u Annu Annuška	Марфа	Marf Mavr	Marfa Marppa Maura
Антонина	Nina	—	Матрона	Mat' o	Mattoi
Варвара	Varvō Varvōr Var' u	Varu Varvana	Надежда	Nad' u Nad' o Nad' a Nad' ožō Nat' u	Natjōza
Васса / Василиса	Vassu	Vassu	Наталья	Nat' u	Nat(')u
Вера	Vefo Vera Veř	Veru Vera Veřa Veroi Veruska	Ольга	Ol' G Ol' k Ol' a Olo' n	Ol' ga
Галина	Gal' o Gal' u	—	Пелагея	Paljo Pal' u Pal' o ПалаG Palašk	Palaga
Глафира	Глаfir Глаša	Klaffira	Прасковья	Opraska Paro Pafo Parask	Paroi Paraska
Дарья	Darje Dašo Daša Dat' a Dašk	Tarja Taroi	Соломония	Solo	Soloi
Домна	Domo Domnō	Tomna	София	Soffi Sofjō Sona Sopo	Sohvi
Евдокия	Duna Oť' u Oto Oudekki Oudekko Oude Oud' e Oudei Oudof'	Otoi Oude Ooi Oube OuĐakkē Oudoška Tuna	Степанида	St' opu	TeBoi Teppanja

Окончание табл. 2

Женское календарное имя	В	И	Женское календарное имя	В	И
Екатерина	Kat'u Kado Kat'o Kat'a Kat'erina Kattōri	Katoi Kadoi Kat'o KaDi Kadri Kadrina Katja Katterina	Сусанна	Susan̄	Sussāna
Елена	Jelen Jel'u Jel'o Jel'a	Jellēna Ollēna	Татьяна	Tatu Taŋa Taŋk Ta't'o Tad'd'ōn	TaDoi Tanja
Елизавета	Lis'o Lil'a Lizō Lišo Liza	Līza	Ульяна	Ul'o Ulif Ul'lon	—
Ефросинья	Obo	—	Устиния	Us'o	—
Зинаида	Zinaid Zina Zink	—	Феврония	Houru	Houra
Зоя	Zoju Soja Sojo	—	Фекла	Fogl'a Fökla Fökl F'eko	Vöglä Vöcöi
Ирина	Iro Iro Iriŋ Irišk Irin	Iriska Iroi	Феодосия	—	Vetoška Fed'osk
Клавдия	Glaude Klavd' Glaša	—	Харитина	Harit'ina	—
Кристина	Krest'in	Krestina			
Ксения	Oksju Okse Oksen' Ks'uša Ok'e	—			

Список литературы

Гадзяцкий, С. С., 1947. Ижорская земля в XVII веке. *Исторические записки*, 21, с. 3—42. [Gadzyatsky, S.S., 1947. Izhora land in the 17th century. *Historical Notes*, 21, pp. 3—42 (in Russ.)].

Кузьмин, Д. В., 2016. Христианские имена карел. *Вопросы ономастики*, 13 (2), с. 56–86. [Kuzmin, D. V., 2016. Christian names of the Karelians. *Issues of Onomastics*, 13 (2), pp. 56–86 (in Russ.)] EDN: XEPCFZ, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.018.

Маркус, Е. В., Рожанский, Ф. И., 2007. Феномен куровицкого идиома. *Материалы XXXVI Международной филологической конференции. 12–17 марта 2007 г.* СПб., с. 61–75. [Markus, E. V. and Rozhansky, F. I., 2007. The phenomenon of Kurovitsy idiom. In: *Proceedings of the XXXVI International Philological Conference. March 12–17, 2007*. St. Petersburg, pp. 61–75 (in Russ.)].

Муллонен, И. И., 1994. *Очерки вепской топонимики*. СПб., 156 с. [Mullonen, I. I., 1994. *Essays on Vepsian toponymy*. St. Petersburg, 156 p. (in Russ.)].

Рожанский, Ф. И., 2014. О форме личных имен в водском языке. *От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской*. СПб., с. 302–316. [Rozhansky, F. I., 2014. On the form of personal names in Votic language. In: *From Bikin to Bambalyuma, from the Varangians to the Greeks. Expedition studies in honor of Elena Vsevolodovna Perekhovskaya*. St. Petersburg, pp. 302–316 (in Russ.)].

Толкачев, А. И., 1977. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. *Историческая ономастика*. М., с. 72–130. [Tolkachev, A. I., 1977. On the history of word formation of forms with the meaning of subjective evaluation (qualitatives) of personal proper names of Greek origin in Old Russian of the 11th–15th centuries. In: *Historical Onomastics*. Moscow, pp. 72–130 (in Russ.)].

Шилов, А. Л., 2010. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот. *Вопросы ономастики*, 1 (8), с. 33–54. [Shilov, A. L., 2010. Ethnonyms and non-Slavic anthronyms of birch bark letters. *Issues of Onomastics*, 1 (8), pp. 33–54 (in Russ.)] EDN: THUDWN.

Ahlqvist, A., 1856. *Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning*. Helsingfors, 156 p.

Alava, V., 1901. XII, Votica. In: *Suomen Kirjallisuuden Seuran Arkisto*.

Ariste, P., 1948. *Vadja keele grammatika*. Tartu, 136 p.

Ariste, P., 1980. Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen. *Sovetskoje Finno-Ugrovedenije*, 2, pp. 81–82, <https://doi.org/10.3176/lu.1980.2.01>.

Halling, T. and Joalaid, M., 2007. Das livische Personennamensystem. In: A. Brendler and S. Brendler, eds. *Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch*. Hamburg, pp. 485–494.

Hietakari, E., 1944. Suku- ja ristimänimet inkeriläisten suomalaisuuden todistajina. *Heimokansa*, pp. 107–111.

Joalaid, M., 2007a. Das ingrische Personennamensystem. In: A. Brendler and S. Brendler, eds. *Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch*. Hamburg, pp. 285–291.

Joalaid, M., 2007b. Das wotische Personennamensystem. In: A. Brendler and S. Brendler, eds. *Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch*. Hamburg, pp. 854–861.

Joalaid, M., 2009. Balto-finnic personal name suffixes. In: *Names in Multi-Lingual, Multi-Cultural and Multi-Ethnic Contact. Proceedings of the 23rd International Congress of Onomastic Sciences, August 17–22, 2008*. Toronto, pp. 532–541.

Kalima, J., 1942. Karjalaiset henkilönnimet Äänisen viidenneksen vanhoissa ve-rokirjoissa. *Kalevalaseura vuosikirja*, 22, pp. 56–65.

Kalima, J., 1952. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista*. Helsinki, 234 p.

- Karlova, O. L., 2007. Das karelische Personennamensystem. In: A. Brendler and S. Brendler, eds. *Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch*. Hamburg, pp. 363–371.
- Kilpinen, W., 1857. Væhæn suomalaisista suku-nimistä. *Suomi*, 1, pp. 15–17.
- Lauerma, P., 1993. *Vatjan vokaalisointu*. Helsinki, 235 p.
- Louhelainen, O. A., 1913. *Luettelo vakinaisten seurakuntalaisten sukunimistä Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa Venäjän vallan aikana noin vv. 1721–1912*. Viipuri, 186 p.
- Mägiste, J., 1927. Läti Hendriku Meme (= mēmē). *Eesti Kirjandus*, pp. 374–376.
- Mägiste, J., 1928. Oī-, eī-deminutiivid läänemeresoome keelis: läänemeresoome nominaaltuletus I. In: *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis)*. B XII₂. 242 p.
- Mullonen, I., 2007. Das wepsische Personennamensystem. In: A. Brendler and S. Brendler, eds. *Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch*. Hamburg, pp. 847–856.
- Mustonen, J., 1938. Inkerin sukunimistöä. *Inkerin liiton*, 7, pp. 44–45.
- Nirvi, R. E., 1971. *Inkeröismurteiden sanakirja [Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18]*. Helsinki, 730 p.
- Nissilä, V., 1943. Soikkolan inkeröisten henkilönnimistä. *Virittäjä*, 47, pp. 199–207, 246.
- Nissilä, V., 1975. *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu, 382 p.
- Nissilä, V., 1976. *Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö*. Helsinki, 232 p.
- Saar, E., 2000. *Slaavipäraseed eesnimed vadja keeles ja isuri keele Soikkola ning Alam-Luuga murdes. Bakalaureusetöö*. Tartu, 186 p.
- Saar, E., 2015. Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri ja seto keeles. *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 61 (1), pp. 167–186, <https://doi.org/10.3176/esa61.08>.
- Stoebke, D.-E., 1964. *Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines Urfinnischen Namensystems*. Hamburg; Leipzig, 186 p.
- Tsvetkov, D., 1995. *Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto*. J. Laakso (ed.). Helsinki. 525 p.
- Virtaranta, P., 1973. Havaintoja tverinkarjalaisesta nimistöstä. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran aikakauskirja*, 72, pp. 488–495.

Об авторе

Александр Владиславович Дмитриев, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-3632-793X

SPIN-код РИНЦ: 7899-0939

E-mail: avd84@list.ru

Для цитирования:

Дмитриев А. В. Механизмы адаптации христианских антропонимов в водском и ижорском языках: сравнительно-сопоставительное исследование // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №1. С. 160–191. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-11.

MECHANISMS OF ADAPTATION OF CHRISTIAN ANTHROPONYMS
IN VOTIC AND INGRIAN: A COMPARATIVE STUDY*Alexander V. Dmitriev*

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
29B Polytechnicheskaya St., Saint Petersburg, 195251, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, 199053, Saint Petersburg, Russia

Submitted on 22.01.2025

Accepted on 15.10.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-11

In modern Finnic onomastics, the study of the pathways and mechanisms through which foreign borrowings are adapted in closely related languages has gained particular significance. Drawing on material from the Votic and Ingrian anthroponymic systems, this article examines the phonetic and morphological transformation of personal names of Christian origin. The study aims to identify the typological features of adaptation mechanisms and to distinguish between universal and language-specific characteristics in the two languages. An integrated methodological framework is employed, combining comparative-historical analysis, typological methods, and systematic reconstruction. The empirical basis of the research comprises data from fieldwork, archival sources, and lexicographic materials dating from the twentieth and twenty-first centuries. The analysis identifies the principal strategies of phonological and morphological adaptation of borrowings and determines the dominant models underlying anthroponymic transformation. The findings demonstrate that a substantial proportion of Votic and Ingrian personal name forms derive not from canonical Christian names, but from their Russian dialectal variants, highlighting the complex nature of interlingual contact. Differences in the operation of adaptation mechanisms between Votic and Ingrian are shown to stem from the specific phonological and morphological structures of each language. Particular attention is devoted to processes of vocalic and consonantal adaptation, including consonant gemination, palatalization, and epenthesis. Morphological aspects of adaptation are also described, notably the use of the ancient Finnic suffix *-oi and its variants. The results contribute to a deeper understanding of language contact phenomena and may inform efforts aimed at preserving the linguistic heritage of the smaller Finnic peoples.

Keywords: *anthroponymic systems, borrowing typology, comparative linguistics, Finnic languages, language contact theory, linguistic adaptation, morphological transformation, phonological adaptation*

The author

Dr Alexander V. Dmitriev, Associate Professor, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-3632-793X

E-mail: avd84@list.ru

To cite this article:

Dmitriev, A. V., 2026, Mechanisms of adaptation of Christian anthroponyms in Votic and Ingrian: a comparative study, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 1, pp. 160–191. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-11.

